
АНДРЕЙ СТАЛЕВ
НАЗАД В СССР:
ШКОЛЬНИК
18+
КНИГА 1

Андрей Сталев

Назад в СССР: Школьник Книга 1

«Автор»
2026

Сталев А.

Назад в СССР: Школьник Книга 1 / А. Сталев — «Автор», 2026

Вчера я был ведущим инженером-схемотехником, руководил крупными проектами и знал, как устроен современный мир. Сегодня я — Димка Ковалёв, худой семиклассник из 1972 года, в кармане которого пятнадцать копеек на школьный обед, перочинный ножик и пионерский галстук.У меня нет интернета, нейросетей и современных микросхем. Зато есть опыт взрослого человека, паяльник в радиокружке Дворца пионеров и знания на полвека вперёд.Школьные задиры, дворовая шпана и строгие учителя ещё не знают, с кем связались. Сначала я наведу порядок в своей жизни и помогу семье. А потом... кто сказал, что тринадцатилетний пацан не может изменить ход истории?

© Сталев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер 5
Глава 1. Удар током и запах манной каши 6
Глава 2. Семейный совет на кухне хрущёвки 10
Глава 3. Первый звонок и старые правила 13
Глава 4. Урок физики и сломанный шаблон 16
Глав 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Андрей Сталев
Назад в СССР: Школьник Книга 1

Дисклеймер

Данное произведение является художественным вымыслом и относится к жанру альтернативной истории. Все события, имена, названия предприятий и учреждений, а также технические характеристики отдельных разработок изменены или переосмыслены автором в интересах сюжета и не претендуют на документальную точность. Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Глава 1. Удар током и запах манной каши

Первым вернулся запах.

Не стерильный, едкий дух хлорки и дорогого медицинского спирта, к которому я привык в современных платных клиниках, а странная, давно забытая смесь. Пахло карболкой, старой известковой побелкой, влажной половой тряпкой и почему-то пригоревшей манной кашей, тянувшейся откуда-то из-за закрытой двери.

Я попытался открыть глаза, но веки показались свинцовыми. В висках мерно стучал отбойный молоток, а затылок ныл так, словно по нему приложились увесистым разводным ключом.

«Так, спокойно, Андрей Викторович, — мысленно скомандовал я себе. — Вспоминаем. Лаборатория. Испытательный стенд высоковольтного блока питания. Серёга, стажёр криворукий, перепутал фазу с землёй и дёрнул рубильник до того, как я убрал щуп... Вспышка. Грохот. Всё».

Значит, меня шарахнуло током. И, судя по всему, прилично, раз я лежу на жёсткой кушетке, застеленной колючей байковой простынёй.

Я с усилием разлепил глаза и уставился в потолок.

Потолок был высокий, побеленный известкой, с длинной трещиной у угла и висящей на металлических трубках люминесцентной лампой, которая противно гудела и моргала с частотой пятьдесят герц. Рядом, на белёной стене, висел плакат: нарисованный гуашью пионер в красном галстуке чистил зубы, а снизу крупными буквами красовалось: *«Чистота — залог здоровья!»*

— Очнулся, слава богу! — раздался рядом звонкий женский голос.

Ко мне склонилась полноватая женщина лет сорока в накрахмаленном белом халате и смешном высоком колпаке, какие носили медсёстры в старых советских фильмах. В руках она держала ватку, от которой тут же шибануло в нос нашатырём.

Я закашлялся, мотнул головой, отстраняясь от едкого запаха, и приподнялся на локтях. И тут же замер.

Мои руки.

Вместо привычных, жилистых, покрытых шрамами от паяльника и седыми волосками рук сорокавосьмилетнего мужика из-под закатанного рукава голубой хлопчатобумажной рубашки торчали тонкие, худые детские запястья с содранной на костяшках кожей.

— Лежи, лежи, Ковалёв, не вскакивай! — запричитала медсестра, усаживая меня обратно на кушетку. — Надо же было так с турника сорваться! Хорошо ещё, затылком об мат приложился, а не об асфальт. Тошнит? В глазах не двоится?

— Н-нет... — выдавил я и осёкся.

Голос был не мой. Звонкий, чуть ломающийся подростковый баритон.

Я медленно опустил ноги на холодный, натёртый мастикой линолеум. На мне были тёмно-синие брюки из грубой шерстяной ткани — школьная форма! Рядом на стуле аккуратно висел синий пиджак с алюминиевыми пуговицами и помятый красный пионерский галстук. Под стулом стояли тёмно-коричневые кожаные полуботинки на толстой подошве и пухлый дерматиновый портфель с блестящими металлическими защёлками.

— Какое сегодня число? — хрипло спросил я, стараясь не выдать паники, которая холодной волной поднималась откуда-то изнутри.

— Ой, беда с вами, с мальчишками, — всплеснула руками медсестра, отходя к деревянному столу, заваленному картонными карточками. — Совсем голову стряс? Пятнадцатое сентября сегодня! Ты после четвёртого урока на перемене решил перед девчонками покрутиться на перекладине, вот и сорвался. Ничего, сейчас я тебя домой отпущу, отлежишься денёк.

— А... год какой? — тихо переспросил я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Медсестра замерла с ручкой в руке. Медленно повернулась, посмотрела на меня с подозрением, подошла и потрогала лоб прохладной ладонью.

— Так, Ковалёв, не пугай меня. Семьдесят второй, Димка, семьдесят второй. Может, всё-таки «скорую» вызвать, а? Вдруг у тебя сотрясение?

— Не надо «скорую»! — быстро выпалил я, сообразив, что больница сейчас — худший вариант. Врачам я точно не объясню, почему знаю про смартфоны, микропроцессоры и распад страны, которой ещё жить почти двадцать лет. — Всё нормально, Марья... э-э... извините, просто голова закружилась, когда встал. Вспомнил всё. Пятнадцатое сентября, семьдесят второй год. Пятница.

— Ну смотри мне, — погрозила пальцем женщина, но всё же вернулась к столу и принялась быстро писать на узком листочке бумаги. — Вот тебе справка для Тамары Ивановны, чтобы не ругалась, что с последних двух уроков ушёл. Иди сразу домой, нигде не шатайся! И матери скажи, чтобы завтра тебя в поликлинику сводила на всякий случай.

— Обязательно скажу. Спасибо.

Я натянул пиджак, повязал галстук — пальцы, к моему удивлению, сами привычно затянули пионерский узел, мышечная память прежнего хозяина тела работала исправно — подхватил портфель и вышел в пустой школьный коридор.

Шёл пятый урок. За закрытыми дверями классов слышалось монотонное бубнение учителей. Стены коридора были выкрашены до половины в унылый зеленовато-болотный цвет,

сверху — белые. На стенах висели стенгазеты, портреты вождей и большой стенд «Наши отличники».

Я прошёл мимо зеркала у раздевалки и на секунду остановился.

На меня смотрел худой, угловатый пацан лет тринадцати. Вихрастые русые волосы, веснушки на переносице, серые глаза и торчащие уши. Обычный советский семиклассник. Разве что взгляд был совсем не детский — тяжёлый, цепкий, оценивающий.

«Ну что ж, Дмитрий Ковалёв, — подумал я, поправляя портфель. — Похоже, мы с тобой теперь одно целое. Точнее, ты ушёл, а я остался на твоём месте. Инженер-схемотехник высшей категории в теле пионера. Задачка посложнее, чем разводка многослойной платы».

Я толкнул тяжёлую деревянную дверь и вышел на крыльцо.

Свежий сентябрьский ветер ударил в лицо запахом прелой листвы, угольного дыма от котельной и выхлопных газов старого карбюраторного двигателя. Передо мной раскинулся Свердловск 1972 года.

Широкая улица с редкими машинами — вот протарахтел округлый жёлто-красный автобус ЛИАЗ-677, за ним проехала чёрная «Волга» ГАЗ-21 с оленем на капоте, следом промчался синий грузовик ГАЗ-51 с деревянными бортами. На углу стоял красный автомат с газированной водой и гранёным стаканом на цепочке. Никаких рекламных щитов, пластиковых вывесок, стеклопакетов и бесконечных пробок. Тишина, простор и удивительно чистое небо.

В голове сама собой всплыла карта района — память прежнего Димки услужливо подсказала дорогу. Школа находилась в двух кварталах от дома, в рабочем районе неподалёку от крупного машиностроительного завода.

Я пошёл по тротуару, выложенному потрескавшейся асфальтовой плиткой, и на ходу устроил ревизию карманов и портфеля.

В кармане брюк звякнула мелочь: пятнадцать копеек одной монетой и две трёшки — всего двадцать одна копейка. Рядом лежал потёртый перочинный ножик с пластмассовой ручкой в виде рыбки и мятый носовой платок. В нагрудном кармане пиджака обнаружился ученический билет, выданный на имя Ковалёва Дмитрия Сергеевича, ученика 7 «Б» класса средней школы 48, и талон на бесплатный обед в школьной столовой.

Затем я остановился у деревянной лавочки в сквере и открыл портфель.

Учебники: «Алгебра» за 7 класс, «Физика» Пёрышкина, «История средних веков», «Родная литература». Тетради в косую линейку и клетку по две копейки, промокашки, деревянный пенал с перьевой ручкой, чернильницей-непроливайкой и двумя простыми карандашами «Конструктор». Дневник с тройками по русскому и четвёрками по математике.

А между страницами «Физики» лежал сложенный вчетверо тетрадный лист в клетку.

Я развернул его. Корявыми, крупными печатными буквами, явно написанными левой рукой, чтобы не узнали почерк, было выведено:

«Ковалёв, если завтра не принесёшь три рубля за сломанный циркуль, после уроков за гаражами получишь так, что родная мать не узнает. Кабан».

Я усмехнулся и аккуратно сложил записку обратно в карман. Память Димки тут же выдала досье на отправителя: Борька Громов по кличке Кабан, переросток-второгодник из их же класса, на голову выше остальных и наглый до предела. Прежний Димка его боялся до дрожи, отдавал карманную мелочь и терпел тычки.

— Ну-ну, Кабан, — тихо пробормотал я вслух. — Завтра посмотрим, кто кому и сколько должен. С взрослым мужиком, который в девяностые цех держал, ты ещё не связывался.

Через десять минут я уже подходил к своему дому — типовой пятиэтажной кирпичной хрущёвке с серым фасадом и застеклёнными балконами, завешенными сушившимся бельём. Во дворе на лавочках сидели две бабушки в платках, а трое пацанов лет десяти гоняли по асфальту потёртый кожаный мяч.

Поднявшись на третий этаж, я достал из портфеля связку из двух ключей, открыл обитую дерматином дверь и шагнул в прихожую.

Квартира была небольшая, типичная советская «трёшка» с проходным залом. На стене висел ковёр с оленями, в углу стоял пузатый телевизор «Рекорд» с линзой на экране, на тумбочке — радиоприёмник «Спидола». Пахло жареной картошкой и свежим хлебом.

Я прошёл в свою комнату — крохотную, узкую, с одним окном, железной кроватью, застеленной пикейным покрывалом, и старым письменным столом. У стены стояла этажерка с книгами: Жюль Верн, Беляев, подшивка журналов «Юный техник» и «Техника — молодёжи» за прошлый год. А в углу, на табуретке, примостился разобранный ламповый приёмник «Рекорд-66» и старый советский паяльник с деревянной ручкой, обмотанной синей изолентой.

Я подошёл к столу, погладил шершавую деревянную ручку паяльника и впервые за этот безумный день по-настоящему улыбнулся.

Входная дверь вдруг громко хлопнула, послышался топот маленьких ножек и звонкий детский голосок:

— Димка! Ты дома? А мне сегодня звёздочку в тетрадке нарисовали! Дим, пойдём скорее чай пить, мама ватрушки с творогом оставила!

В проёме двери появилась смешная девчонка лет семи с двумя белыми бантами, огромным портфелем за спиной и выпавшим передним молочным зубом. Моя младшая сестра, Светка.

— Иду, сестрёнка, — ответил я, чувствуя, как внутри разливается непривычное, забытое тепло. — Сейчас руки помою и пойдём пить чай.

Новая жизнь началась. И терять её я точно не собирался.

Глава 2. Семейный совет на кухне хрущёвки

Ватрушки с творогом оказались именно такими, какими я помнил их из далёкого детства — чуть подрумяненные, с рассыпчатым, слегка сладковатым творогом, без всяких растительных заменителей и ароматизаторов. Я съел две штуки подряд, запивая крепким, сладким чаем из тонкого стакана в алюминиевом подстаканнике, и с удовольствием наблюдал за Светкой.

Сестрёнка болтала без умолку. Она умудрилась за десять минут рассказать мне, что Вовка с первой парты дёргал её за бант, что учительница Нина Павловна похвалила её за ровные палочки в прописи, и что во дворе у тёти Клавы кошка окотилась тремя рыжими котятами.

Я слушал вполуха, кивал, подкладывал ей сахар и параллельно выстраивал в голове картину своей новой жизни. Память прежнего Димки Ковалёва работала как хорошо отлаженный архив — стоило подумать о чём-то, и нужные сведения всплывали сами собой, обрастая лицами, датами и бытовыми мелочами.

Семья у нас была самая обычная, рабочая, крепкая.

Отец — Сергей Иванович Ковалёв, тридцать восемь лет, мастер сборочного цеха на Уральском заводе тяжёлого машиностроения, местном гиганте, куда входили по пропускам и где делали всё: от шагающих экскаваторов до деталей, о которых вслух не говорили. Человек он был прямой, рукастый, молчаливый, без лишних сантиментов, но за семью стоял горой.

Мать — Елена Николаевна, тридцать шесть лет, старший бухгалтер в заводском управлении. Добрая, суетливая, вечно переживающая, чтобы дети были сыты, тепло одеты и не нахватали двоек.

Жили мы скромно, от зарплаты до зарплаты. Сбережений почти не водилось — всё уходило на еду, одежду, да копили понемногу на цветной телевизор «Рубин», который стоил целое состояние, под семьсот рублей, и достать его можно было только по заводской очереди.

— Дим, а чего ты сегодня так рано пришёл? — вдруг прищурилась Светка, доедая свою ватрушку. — У вас же шесть уроков по пятницам. Опять сбежал? Я маме не скажу, честно-честно!

— Не сбежал, мелочь, — усмехнулся я, взъерошив ей чёлку. — С турника на перемене сорвался, медсестра домой отпустила. Вот и справка есть.

— Ой, больно было? — тут же испугалась сестра, заглядывая мне в глаза.

— Ерунда, до свадьбы заживёт. Ты давай уроки садись делать, а я пока в комнате приберусь.

Светка послушно потащила свой огромный портфель в зал, а я вернулся в свою крохотную комнату, закрыл дверь и принялся за детальную ревизию своего «наследства».

В первую очередь я осмотрел стол и шкаф. Из инструментов у прежнего Димки нашлись: старый паяльник на сорок ватт с толстым медным жалом, плоскогубцы, бокорезы, две отвёртки, кусок канифоли в жестяной баночке из-под леденцов «Монпансье» и моток оловянно-свинцового припоя ПОС-61. В картонной коробке из-под ботинок лежала россыпь радиодеталей: старые бумажные конденсаторы, пара германиевых транзисторов МП39 и МП42, резисторы МЛТ, диоды Д9 и куча разноцветных проводов, выдранных из какого-то списанного щитка.

Я взял в руки транзистор МП42. Крохотная металлическая «шляпка» с тремя тонкими выводами. На дворе 1972 год. В Америке компания Intel только-только выпустила первый примитивный четырёхбитный микропроцессор 4004, о котором в Союзе пока знают лишь единицы в закрытых НИИ. В бытовой технике здесь царствуют радиолампы и первые германиевые транзисторы, кремний только начинает пробивать себе дорогу в массовое производство.

Для меня, человека, который в двадцать первом веке проектировал многослойные платы на микроконтроллерах и программировал ПЛИС, здешняя элементная база выглядела как каменный топор рядом с лазерным станком.

«Ничего, — подумал я, крутя в пальцах транзистор. — Зато я знаю принципы. Я знаю схемотехнику, алгоритмы, физику полупроводников, знаю, какие решения тупиковые, а какие выстрелят через десять лет. Даже на этих примитивных деталях можно собирать вещи, которые местным инженерам покажутся магией. Главное — не лезть на рожон и не привлекать лишнего внимания раньше времени».

Я потянулся, хрустнув суставами, и критически осмотрел себя в узкое зеркало на дверце шкафа.

Да уж, с физической формой у Димки было так себе. Худой, плечи узкие, мышц почти нет — типичный домашний пацан, который больше сидит над книжками и паяльником, чем бегает во дворе. С таким сложением против переростка Кабана, который, судя по воспоминаниям, весил килограммов шестьдесят пять и кулаки имел с хорошую репу, в открытой драке делать нечего.

«Значит, завтра берём его головой, — решил я. — А с понедельника начинаем приводить тело в порядок. Утренняя зарядка, бег, турник и брусья. В тринадцать лет организм растёт как на дрожжах — за полгода из этого заморыша можно сделать вполне крепкого пацана».

В шесть вечера хлопнула входная дверь. В прихожей послышались усталые голоса родителей и звонкий крик Светки, которая тут же побежала докладывать новости за день.

Я вышел в прихожую.

Отец снимал потёртую рабочую куртку, от которой пахло машинным маслом, металлом и табаком. Высокий, сухощавый, с жёсткими морщинами у глаз и мозолистыми, сильными руками. Рядом мать ставила на тумбочку тяжёлую авоську с продуктами — батон, пакет молока в треугольном картонном пакете, пачка масла и свёкла.

— Здравствуй, пап. Привет, мам, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал максимально естественно.

— Димка, ты чего бледный такой? — тутже встревожилась мать, всплеснув руками. — Светка сказала, ты с турника упал! Ну-ка подойди ближе, покажи голову!

— Мам, всё нормально, правда, — я вытащил из кармана справку. — Вот, медсестра осмотрела, сказала, просто ушиб, даже шишки почти нет. Отпустила отдохнуть.

Мать пробежала глазами бумажку, покачала головой и полезла в шкафчик за валерьянкой, приговаривая, что на этих турниках шею сломать раз плюнуть. А отец внимательно посмотрел на меня — долго, пристально, словно заметил что-то непривычное.

— Голова не кружится? — спросил он негромко.

— Не-а. Как огурчик, пап.

— Ладно. Руки мойте и за стол, — буркнул он и пошёл в ванную.

За ужином — ели жареную картошку с тушёнкой и солёными огурцами из трёхлитровой банки — разговор зашёл о работе. Отец был мрачнее тучи, ел молча, хмуря густые брови.

— Серёж, да что случилось-то? — не выдержала мать, подливая ему чай. — Лица на тебе нет. Опять в цеху неприятности?

Отец тяжело вздохнул, потёр переносицу и махнул рукой:

— Да беда, Лен. Участок встал. Помнишь, весной нам новый координатно-расточной станок поставили? Немецкий, из ГДР, с программным управлением. Мы на него всю квартальную программу завязали, детали для нового пресса гнали. А сегодня в обед в шкафу управления что-то хлопнуло, дым пошёл — и всё, мёртвый.

— А заводские электрики? — спросила мать.

— Приходили из отдела главного энергетика, лазили два часа с приборами, руками разводят. Говорят, сгорел блок считывания с перфоленты и плата согласования. Детали там хит-

рые, таких у нас в Союзе не делают. Написали запрос в министерство, чтобы через внешторг из Германии запчасти заказали. А это минимум полгода! Начальник цеха рвёт и мечет, директор на ковёр вызывал — квартал горит, весь цех без прогрессивки останется.

Я замер с вилкой в руке.

Немецкий станок из ГДР, 1972 год. В те годы в станках с ЧПУ стояла примитивная транзисторно-диодная логика и фотоэлектрический считыватель с бумажной перфоленты. Никаких сложных микропроцессоров там ещё и в помине не было — обычные фотодиоды, пара лампочек подсветки, триггеры на транзисторах да усилители сигналов на реле. Схема примитивная до безобразия, просто советские цеховые электрики привыкли к обычным контакторам и пускателям, а в электронику лезть боялись как огня.

— Пап, — осторожно начал я, стараясь говорить тоном любопытного школьника. — А там сильно всё сгорело? Прямо в уголь?

Отец усмехнулся без веселья:

— Да тебе-то откуда знать, инженер? Там не в уголь, два транзистора каких-то импортных лопнули и сопротивления почернели. Но наши спецы говорят, без немецкой схемы и родных деталей туда лезть нельзя — спалишь остальное.

— А схема у вас в цеху есть? — не унимался я. — Паспорт на станок же должен быть!

— Паспорт-то есть, в сейфе у механика лежит, толстенная книга на немецком языке, — отец посмотрел на меня с лёгким удивлением. — Ты чего это вдруг станками заинтересовался?

— Да я в «Юном технике» читал про станки с программным управлением, — быстро нашёлся я. — Интересно просто, как они устроены. Там же обычные логические элементы стоят, как в радиоприёмнике, только побольше.

Отец хмыкнул, потрепал меня по плечу жёсткой ладонью:

— Радиоприёмник, скажешь тоже... Там шкаф размером с наш шифоньер. Ладно, иди уроки делай, конструктор. Не забивай голову взрослыми проблемами.

Но я видел, что слова мои он запомнил.

После ужина, когда мать со Светкой ушли смотреть по телевизору какую-то передачу, я подошёл к отцу, который курил на балконе, глядя на тёмный вечерний двор.

— Пап, — тихо сказал я, встав рядом. — Ты не думай, я правда в схемах немного разбираюсь. Если вдруг механик разрешит схему посмотреть — перерисуй на кальку тот кусок, где сгорело, и маркировку деталей перепиши. Может, их нашими аналогами заменить можно. В справочниках же есть таблицы замен.

Отец покосился на меня, затянулся «Беломором» и выдохнул струйку дыма в прохладный ночной воздух.

— Слышь, Димка, — негромко произнёс он. — А ты после сегодняшнего падения с турника точно головой не ударился? Разговариваешь как главный инженер завода.

— Так я в библиотеку записался, книжки умные читаю, — улыбнулся я. — Просто хочется помочь, пап. Обидно же, если вы без премии останетесь.

Отец помолчал с полминуты, глядя куда-то поверх крыш соседних домов, а потом коротко кивнул:

— Ладно. Посмотрим. Иди спать, завтра в школу.

Я вернулся в свою комнату, лёг на узкую железную кровать и уставился в тёмный потолок.

Первый день в 1972 году прошёл без провалов. Родители ничего не заподозрили, зацепка по заводу отца появилась сама собой, а завтра утром меня ждёт первый настоящий бой в этой новой жизни — проверка школой и разговор с Борькой Кабаном.

Я закрыл глаза и впервые за долгие годы заснул спокойно и крепко.

Глава 3. Первый звонок и старые правила

В 1972 году в советских школах учились шесть дней в неделю, и суббота ничем не отличалась от понедельника — те же пять уроков, та же синяя форма и обязательный пионерский галстук.

Я проснулся без будильника ровно в семь утра. В комнате было прохладно — отопление в Свердловске ещё не дали, и изо рта поднимался лёгкий парок. Я скинул одеяло, встал на холодный крашеный пол и первым делом сделал короткую разминку: приседания, отжимания от пола, наклоны.

Мышцы отозвались непривычной, но приятной лёгкостью. Всё-таки тринадцать лет — не сорок восемь: спина не хрустит, колени не ноют, а отжался я с ходу двадцать пять раз без малейшей одышки. «Отлично, — отметил я про себя. — База есть, дальше раскачаем».

На кухне уже гремела посудой мать. Она суетилась у газовой плиты, разливая по тарелкам горячую манную кашу с кусочком сливочного масла посередине и ставя на стол стаканы с какао.

— Доброе утро, сынок! — улыбнулась она, мельком глянув на меня. — Как голова? Не кружится?

— Всё отлично, мам, даже лучше, чем было! — бодро ответил я и принялся за кашу.

Отец уже ушёл на утреннюю смену — суббота на заводе была рабочей, хоть и укороченной. Светка ещё досматривала сны в соседней комнате, так что я быстро позавтракал, накинул демисезонную болоньевую куртку, подхватил портфель и вышел из подъезда.

Утро выдалось ясным, свежим и звонким. На жёлтых листьях тополей блестела утренняя роса, по асфальту торопливо шагали прохожие с авоськами, а из открытой форточки первого этажа доносились бодрые звуки «Пионерской зорьки» по радиоточке.

У школьных ворот уже толпились ученики. Мальчишки в синих пиджаках и серых брюках, девчонки в коричневых платьях с чёрными фартуками и белыми бантами. Никто не уткнулся в экран телефона, никто не ходит в наушниках — все галдят, смеются, обмениваются марками, фантиками или просто пинают портфели.

Я шагнул в школьный двор, и тут же ко мне подскочил невысокий щуплый паренёк в больших круглых очках с толстыми стёклами.

— Димка! Привет! — затараторил он, поправляя съехавший на нос портфель. — Ты как? Вчера все думали, ты с турника насмерть разбился! Клавка даже разревелась!

Память тут же выдала имя: **Санька Зайцев**, мой сосед по парте. Тихий, начитанный парнишка из семьи инженеров, главный книгочей класса, которого задиры вечно дразнили «профессором» и «очкариком».

— Привет, Сань, — улыбнулся я, пожимая ему руку. — Живой, как видишь. На маты упал, просто воздух выбило. Что нового в школе?

Санька сразу помрачнел, оглянулся по сторонам и зашептал:

— Слушай, Дим... Кабан вчера после уроков тебя искал. Злой как собака. Говорит, ты ему трёшку за какой-то циркуль должен. Он тебя сегодня после пятого урока у гаражей ждёт, с ним ещё Рыжий из восьмого «А». Может, это... я у мамы рубль попрошу, да у меня пятьдесят копеек накоплено на книжку...

Я посмотрел на Саньку с искренним теплом. Настоящий друг — сам небось трясётся от страха перед этим Кабаном, а последние сбережения готов отдать, лишь бы товарища выручить.

— Спасибо, Сань, не надо денег, — твёрдо сказал я. — Ни копейки он от меня не получит. И за гаражи я после уроков пойду сам.

Санька выпучил глаза за толстыми линзами очков:

— Ты чего?! Он же тебя уделает! У него кулак во какой!

— Посмотрим, — спокойно усмехнулся я. — Пошли в класс, сейчас звонок дадут.

Наш 7 «Б» располагался на третьем этаже. Стоило мне переступить порог кабинета, как шум на мгновение стих — все уставились на меня, словно я вернулся с того света.

На последней парте у окна, развалившись так, что колени упирались в спинку переднего стула, сидел **Борька Громов**по кличке Кабан. Здоровый, широкоплечий лоб лет пятнадцати, с коротко остриженной круглой головой, тяжёлым подбородком и наглыми маленькими глазками. Увидев меня, он криво ухмыльнулся и выразительно провёл большим пальцем по горлу, показав потом три растопыренных пальца.

Я не отвёл взгляд. Посмотрел ему прямо в переносицу — спокойно, холодно и чуть брезгливо, как смотрят на назойливую муху, — после чего неспешно прошёл на свой третий ряд и сел за парту рядом с Санькой.

Кабан даже моргнул от неожиданности. Прежний Димка при одном его взгляде вжимал голову в плечи и начинал нервно теребить ручку. А тут — ноль реакции.

— Ну, Ковалёв, ты даёшь... — прошептал Санька, вжимаясь в стул.

Первым уроком стояла алгебра. В класс вошла **Зоя Петровна**— пожилая, сухая как щепка учительница с пучком седых волос на затылке и вечно поджатыми губами. Она недолюбливала середнячков вроде прежнего Димки, считая их лоботрясами, у которых на уме одни железки да гулянки.

— Так, седьмой «Б», открыли тетради, записали число, — сухо произнесла она, доставая из сумки тонкую стопку листов. — Сегодня проверочная работа на пятнадцать минут по теме «Разложение многочленов на множители». Варианты на доске. Кто будет списывать — сразу ставлю два в журнал.

Класс дружно застонал. Зоя Петровна написала мелом на доске по четыре примера для первого и второго вариантов.

Я глянул на доску и чуть не рассмеялся.

После расчёта комплексных сопротивлений, дифференциальных уравнений и преобразований Лапласа эти школьные многочлены выглядели как задачка из детского сада на складывание кубиков. Я взял перьевую ручку, обмакнул в чернильницу и за три минуты расписал все четыре примера своего варианта — чётко, аккуратно, в две строчки каждый.

Потом подумал секунду, посмотрел на Саньку, который мучился над третьим примером, и незаметно подвинул ему свой черновик с подсказкой.

— Ковалёв! — тут же раздался резкий, скрипучий голос Зои Петровны. — Ты почему уже сидишь без дела и вертишь головой? Решил всё или просто сдаёшься без боя? А ну-ка иди к доске, покажи всему классу свои «знания»!

По классу прокатился ехидный смешок — особенно громко загоготал с задней парты Кабан.

Я спокойно встал, вышел к доске, взял кусочек мела и повернулся к учительнице:

— Какой пример решать, Зоя Петровна?

— Все четыре своего варианта! И без тетради, по памяти! — отрезала она, скрестив руки на груди.

Я повернулся к доске и застучал мелом. Не задумываясь ни на секунду, я расписал все четыре выражения, попутно применив для последнего самый короткий способ группировки, который в учебнике за седьмой класс даже не давался. Положил мел на полочку, отряхнул пальцы и повернулся к классу.

В кабинете повисла мёртвая тишина.

Зоя Петровна медленно подошла к доске, поправила очки на переносице и внимательно пробежала глазами по строчкам. Лицо её вытянулось.

— Хм... — протянула она, переводя взгляд с доски на меня. — А откуда ты знаешь этот способ группировки, Ковалёв? Мы его ещё не проходили. Кто тебе помогал?

— Никто, Зоя Петровна, — спокойно ответил я. — В библиотеке взял старый задачник по алгебре, там похожие примеры разбирались. Интересно стало.

Учительница посмотрела на меня поверх очков долгим, изучающим взглядом, словно впервые увидела в сером троечнике живого человека, и коротко кивнула:

— Садись, Ковалёв. Пять. Но если это случайность — на следующей неделе проверю лично.

Я сел за парту. Санька рядом смотрел на меня так, словно я только что достал из портфеля живого кролика. А с задней парты донеслось злобное шипение Кабана:

— Ботаником заделался, гнида? Ничего, на перемене посмотрим, как ты считать умеешь!

До четвёртого урока — физики — оставалось всего две перемены. И я точно знал, что главный сюрприз сегодняшнего дня ждёт меня именно там, а потом — за серыми кирпичными гаражами за школьным стадионом.

Глава 4. Урок физики и сломанный шаблон

К четвёртому уроку слух о том, что тихоня Ковалёв уделал на доске саму Зою Петровну, облетел весь класс. Девчонки с первых рядов то и дело оглядывались на нашу парту с любопытством, а вальяжный толстячок Валерка Смирнов с соседнего ряда на перемене подсел ко мне и уважительно похлопал по плечу:

— Ну ты, Димка, даёшь! У Зойки аж очки на лоб полезли! Ты чего, летом репетитора нанимал?

— Ага, — усмехнулся я. — Книжки умные читал.

Но главный экзамен сегодняшнего дня ждал меня на физике. Преподавал её **Аркадий Семёнович**— сухонький, подвижный старичок с копной седых волос, похожий на растрёпанного воробья, в вечно заляпанном мелом пиджаке. Он обожал свой предмет, вёл в школе кружок юных физиков и терпеть не мог зубрёжку без понимания сути.

— Итак, друзья мои, — бодро начал Аркадий Семёнович, потирая сухие ладони. — Мы с вами изучили равномерное движение, плотность и силу тяжести. А теперь давайте проверим, кто из вас умеет не просто формулы в тетрадку переписывать, а думать головой!

Он повернулся к доске и написал условие задачи со звёздочкой — на расчёт средней плотности сплава из двух металлов с известными массами и объёмами, да ещё с подвохом на пустоту внутри отливки. Для седьмого класса задача действительно непростая, олимпиадного уровня.

— Кто первый решит и объяснит физический смысл — ставлю пятёрку сразу в журнал и освобождаю от домашнего задания на понедельник! — объявил старик, хитро прищурившись.

В классе зашуршали страницы учебников, заскрипели перья. Санька рядом нахмурил лоб, забормотал что-то себе под нос, выписывая формулы. Я же пробежал условие глазами, в уме прикинул соотношение объёмов и через полминуты поднял руку.

Аркадий Семёнович даже не сразу поверил:

— Ковалёв? У тебя вопрос по условию?

— Нет, Аркадий Семёнович. Я решил. Можно к доске?

В классе снова повисла тишина. Старый физик удивлённо приподнял густые седые брови, но кивнул:

— Ну, выходи, посмотрим.

Я вышел к доске, взял мел и не просто написал сухие цифры, а нарисовал аккуратный чертёж отливки с внутренней полостью, вывел общую формулу через разность истинного и кажущегося объёмов и подставил числа.

— Объём пустоты равен разности общего объёма детали и суммы объёмов меди и олова, — чётко пояснил я, поворачиваясь к учителю. — Отсюда находим массу полости, то есть её отсутствие, и получаем точный ответ: сорок два кубических сантиметра.

Аркадий Семёнович замер у доски. Его глаза за толстыми стёклами очков загорелись неподдельным азартом, словно у охотника, напавшего на редкий след.

— Блестяще! — воскликнул он, хлопнув в ладоши. — Вы посмотрите, как изящно! Не в лоб, через три действия, а через общую формулу в одну строчку! Ковалёв, да где же ты раньше прятался? Почему в шестом классе на тройки перебивался?

— Да неинтересно было, Аркадий Семёнович, — честно ответил я. — А летом в библиотеке почитал Перельмана и старые журналы «Квант» — и как-то само пошло.

— «Квант»?! — старик аж просиял. — Семиклассник читает «Квант»! Вот это разговор! Значит так, Дмитрий: в конце месяца у нас районная олимпиада по физике. От школы поедешь ты. И никаких возражений! Садись, пять с плюсом!

Когда я вернулся за парту, Санька смотрел на меня с благоговейным ужасом, словно я только что изобрёл вечный двигатель. А с задней парты донёсся глухой стук — это Кабан со злости пнул ножкой парты.

Последний, пятый урок — физкультура — пролетел незаметно. Переодевшись в раздевалке, я вышел на школьное крыльцо. Санька увязался за мной, нервно оглядываясь по сторонам.

— Дим, пойдём через главный проспект, а? — зашептал он, хватая меня за рукав куртки. — Они точно за гаражами стоят, я из окна раздевалки видел. Там Кабан и Рыжий из восьмого. Пойдём, пока не заметили!

— Иди домой, Сань, — спокойно сказал я, поправляя лямку портфеля. — Если я сейчас сбегу, они меня завтра в раздевалке поймают или у подъезда. Надо закрыть этот вопрос один раз и навсегда. Не переживай, драки не будет.

Я развернулся и спокойным, неторопливым шагом направился вдоль забора школьного стадиона — туда, где за старыми тополями тянулся длинный ряд серых кирпичных гаражей.

Место было глухое, безлюдное. Взрослые сюда днём не заглядывали, а мелкая шпана обожала устраивать здесь разборки.

Едва я свернул за угол крайнего гаража, как дорогу мне перегородили двое.

Впереди стоял Борька Кабан — руки в карманах расстёгнутой телогрейки, на голове сдвинутая набок кепка-восьмиклинка, на лице кривая, самодовольная ухмылка. Чуть позади прислонился к кирпичной стене его дружок — тощий, длинный восьмиклассник по кличке Рыжий, крутивший в пальцах связку ключей.

— О, явился, профессор! — гаденько усмехнулся Кабан, делая шаг навстречу. — Я думал, ты в штаны наложил и домой дворами удрал. Ну чё, трёшку принёс? Или проценты накинуть за ожидание?

Я поставил портфель на сухую землю у ног, сунул руки в карманы куртки и посмотрел Кабану прямо в глаза. Ни страха, ни суеты — обычный деловой взгляд человека, который в девяностые разруливал вопросы посерьёзнее, чем наезд дворового переростка.

— Слушай внимательно, Громов, — тихо, но так, что каждое слово отчётливо прозвучало в тишине проулка, произнёс я. — Никакого циркуля я у тебя не брал и не ломал. И денег ты от меня не получишь. Ни трёшки, ни копейки.

Кабан даже опешил на секунду от такого тона, потом налился краской и шагнул вплотную, нависая надо мной:

— Ты чё, совсем берега попутал, гнида?! Щас я тебе в бубен стукну, сразу вспомнишь и циркуль, и...

— Не стукнешь, — перебил я его ровным, ледяным голосом, не сдвинувшись ни на миллиметр. — Потому что если ты меня сейчас хоть пальцем тронешь, через час я буду в медпункте, а вечером мой отец с твоим отцом, слесарем четвёртого цеха, в парткоме завода встречаться будут. Знаешь, что бывает, когда на комсомольца или пионера заявление в детскую комнату милиции за вымогательство ложится?

Кабан замер. Ухмылка сползла с его лица. Слово «вымогательство» и упоминание отца с завода подействовали как ушат холодной воды. Память прежнего Димки услужливо подсказала мне нужную деталь: отец Кабана сильно пил, уже имел два выговора на заводе и стоял в очереди на получение двухкомнатной квартиры вместо барака. Любой скандал в детской комнате милиции означал для семьи Громовых вылет из очереди и вызов на товарищеский суд.

— Ты чё плетёшь, стукач?! — зашипел Кабан, но кулаки уже опустил и оглянулся на Рыжего. — Я тебя просто спросил...

— А я тебе просто ответил, — жёстко продолжил я, наступая на него психологически. — Если я сейчас уйду отсюда с синяком — завтра твой батя в цеху узнает, почему его из очереди на квартиру вычеркнули. А Рыжий пойдёт паровозом как соучастник — ему в восьмом классе перед выпуском характеристика в ПТУ ох как нужна. Верно, Рыжий?

Тощий восьмиклассник у стены мгновенно побледнел, спрятал ключи в карман и попятился:

— Слышь, Борь... да ну его, он псих какой-то после вчерашнего... Пошли отсюда, мне домой пора.

Кабан ещё пару секунд сверлил меня злыми, растерянными глазами, тяжело сопя носом. Бить нельзя — последствия реальные, а на понт этот мелкий заморыш не берётся, смотрит так, будто готов хоть сейчас в милицию идти.

— Ладно, Ковалёв... — процедил он сквозь зубы, отступая на шаг. — Живи пока. Но в школе мне под ноги не попадайся!

— И ты мне не попадайся, Громов, — спокойно ответил я, поднимая портфель. — Увижу, что к Зайцеву или к кому из наших лезешь за мелочью — разговор будет уже в другом месте. Бывайте.

Я развернулся спиной — самый рискованный момент, но я спинным мозгом чувствовал, что удара не будет — и спокойным шагом вышел из-за гаражей на улицу.

Только свернув за угол, я выдохнул и усмехнулся. Сердце билось чуть быстрее обычного, но внутри разливалось приятное чувство победы. Первый, бесплатный этап пути пройден: дома порядок, в школе авторитет, во дворе — уважение.

А впереди меня ждало самое интересное: возвращение отца с завода с новостями о немецком станке и дорога во Дворец пионеров, где пахло канифолью, оловом и настоящей техникой.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.